
Гж. В. Колодко

КОЛУМБ ТРАНСФОРМАЦИИ: ВЕЛИКАЯ ОШИБКА М. ГОРБАЧЕВА

Еще в 1980-х годах Союз Советских Социалистических Республик, СССР, руководствовался преимущественно большевистским принципом ускорения из социально-экономической практики всего того, что предшествовало социалистической революции на рубеже второго и третьего десятилетий XX в. Экономика, общество и государство должны были функционировать по принципу не рационального изменения предшествовавшего режима, а его тотального разрушения – как антитеза капитализма. Частная собственность должна была быть полностью заменена государственной, рыночные механизмы – централизованным планированием, а деньги играть все меньшую роль.

Время пришло

Робкие реформаторские попытки отхода от подобного догматизма, предпринимавшиеся в течение трех десятилетий, в 1956–1985 гг., мало что изменили в существовавшем положении вещей. Догматики были убеждены, что установившийся порядок может сохраняться *ad calendās sovieticas* – «до советских календ». М. Горбачев, новый советский лидер, возглавивший единственную правящую партию и государство, понимал, что это фундаментальное заблуждение. Настало время для качественных экономических и политических изменений, для перестройки и гласности.

Редко бывает, чтобы политик писал на страницах истории так ясно, как М. Горбачев. По понятным причинам он не мог быть преемником И. Сталина – в 1953 г. ему было 22 года, он еще был студентом. М. Горбачеву не выпал шанс провести радикальные политические реформы сразу после смерти И. Сталина, в отличие от китайского ли-

Гжегож Витольд Колодко – доктор экономических наук, профессор, директор Центра TIGER при Университете Козьминского, иностранный член РАН (г. Варшава).

дера Дэн Сяопина, которому история дала такую возможность после 1976 г., вскоре после ухода Мао Цзэдуна. Когда в Китае уже стало неважно, будет ли кот черным или белым – лишь бы ловил мышей, Советскому Союзу все еще было далеко не только до коммунизма, но и до социалистического прагматизма. Однако в конце концов время реформ должно было наступить, что и произошло, когда в 1985 г. М. Горбачев занял ключевые позиции в партии и государстве.

Мне довелось не только наблюдать за его действиями, но и встречаться с ним лично, обмениваться мыслями напрямую – впервые четверть века назад, в 1996 г. Узнал ли я что-то от него? Наверное, не столько узнал, сколько подтвердил убежденность, с которой сам пришел в политику чуть раньше, в начале 1990-х годов: в политической деятельности нужно проявлять не только мужество и огромную решимость – которых М. Горбачеву, безусловно, хватало, – но и представлять, что начавшиеся процессы могут выйти из-под контроля и пойти совершенно не так, как предполагалось. Именно такого представления оказалось недостаточно у этого великого государственного деятеля.

М. Горбачев не хотел отходить от социализма или ликвидировать Советский Союз. Он хотел спасти социализм. Его намерение состояло в том, чтобы придать «человеческое лицо» советской системе: в ее основе должна была лежать социальная поддержка, а не сила государства и его насилие над собственными гражданами. Этим целям должны были послужить политические реформы, прежде всего гласность, а также экономические реформы, известные как перестройка. Их импульс был настолько мощным, что с момента запуска первого искусственного спутника Земли только эти два слова – «перестройка» и «гласность» – полноправно вошли во многие языки, включая польский и английский. Их не переводят, потому что благодаря М. Горбачеву они сами говорят за себя.

Для одних реформы зашли слишком далеко, так как ограничили привилегии, связанные с их должностями, затруднив тем самым реализацию идей инициатора перемен. Для других – они оказались недостаточными, слишком поверхностными, не создавали нового качества, а потому оказались под прессом критики. К сожалению, первые взяли верх, заблокировав выбранный курс реформ. Разделяя убежденность в фундаментальной обоснованности реформистского подхода, я несколько лет спустя спросил М. Горбачева, почему он не пошел дальше, по крайней мере, как в Польше или в Венгрии. Он ответил мне вопросом: «Вы хоть представляете численность номенклатуры в СССР?» Именно ее интересы нарушались перестройкой. В партии и государственном управлении, в армии и в экономике, в науке и культуре насчитывалось 20 млн должностей – от низовых до высших, в Москве и в столицах 14 союзных республик. И тогда, и сейчас нарушить

это соотношение оказалось невозможно, потому что аппарат советской власти, институционально и политически связанный с номенклатурой, отстаивал свои убеждения, твердо веря, что это в интересах общества. Лишь отдельные представители номенклатуры понимали, что в ходе реформ ситуация может измениться к лучшему и для них.

Дилемма выбора

Весной 1989 г., когда Советским Союзом руководил М. Горбачев, состоялся единственный советско-китайский саммит. В мае того же года, т.е. спустя всего два месяца после польского «круглого стола», увенчавшегося творческим компромиссом, и первыми за послевоенные годы демократическими выборами в Польше, советский лидер встретился с китайским. Без сомнения, они с большим вниманием следили за польской трансформацией, делая для себя полезные выводы. В дни визита М. Горбачева в Пекине на площади Тяньаньмэнь прошли большие студенческие демонстрации против действующего политического строя. Это было невероятное совпадение: именно в тот день, 4 июня, когда китайская армия жестоко подавила студенческое восстание, поляки мирно проголосовали за большие перемены.

По случаю встречи на высшем уровне в Пекине другой государственный деятель, Г. Киссинджер, уже обладавший богатым геополитическим опытом, опубликовал в *Newsweek* эссе, в котором задал фундаментальный вопрос: кто прав – М. Горбачев, который по советским меркам зашел достаточно далеко в политических реформах, в гласности, но не слишком далеко в экономических переменах, в перестройке, или Дэн Сяопин, который смело шел на постепенные экономические перемены, но, по сути, мало что делал в сфере либеральных политических реформ?

Когда я впервые встретил Г. Киссинджера в Париже летом 1996 г., то сослался на эту дилемму и сказал, что это некорректный вопрос, поскольку оба – и М. Горбачев, и Дэн Сяопин – ошибаются, а правы мы, поляки, потому что идем по пути одновременно политической и экономической либерализации, по пути демократии, по пути рынка.

Сегодня я считаю, что, мы, поляки, многого добились в постсоциалистической политической трансформации и создании социальной рыночной экономики, хотя все еще далеки от формирования устойчивой либеральной демократии в ее полнокровной форме. В то время, четверть века назад, я не ожидал, что после стольких лет усилий по трансформации дисфункция политической сферы будет подвергаться большей критике, чем недостатки и упущения капиталистической экономики.

Я возвращался к дилемме выбора пути на последующих встречах с М. Горбачевым (всегда в Москве) и особенно в многочисленных

разговорах с Г. Киссинджером (в Нью-Йорке), и, конечно, в Пекине. Надо согласиться с М. Горбачевым в том, что он сделал многое из того, что было возможно в тех политических реалиях. К сожалению, он не избежал ошибок. Помимо преобразований страны, он проделал грандиозную работу на геополитической арене, положив конец пагубной «холодной войне» с Западом. Берлинская стена простояла бы немного дольше, если бы не польский «круглый стол», но она простояла бы намного дольше, если бы не смелые решения советского лидера. Это всегда будет оцениваться высоко.

Когда я однажды сказал М. Горбачеву, что если бы не его политика, то невозможен был бы политический прорыв, который позволил изменить экономическую систему в Польше, он отреагировал: напишите об этом, ладно? Вот, пишу, потому что знаю, что так и было. За это он тоже заслуживает признания и похвалы.

Вернемся в контексте советско-китайского саммита 1989 г. к жесткой дилемме Г. Киссинджера: если не во время парижской встречи 1996 г., то при каждой последующей беседе ни у кого из нас не возникало сомнений в том, что прав был Дэн Сяопин, а не М. Горбачев. То, что произошло в экономике со времени встречи этих двух титанов политики – тектонический сдвиг. Ни такого невероятного развития китайской экономики, ни такой экономической стагнации России (и, следовательно, столь огромной разницы в динамике роста обеих стран) никто не ожидал.

Если экономические успехи Китая следует отнести на счет политики Дэна, то позор российской экономики, где за последнее десятилетие XX в. национальный доход упал более чем наполовину, – «заслуга» преемников М. Горбачева. В 1990 г. ВВП России (по паритету покупательной способности), тогда еще советского периода, был примерно в два раза больше, чем у Китая. Сегодня ВВП Китая в восемь раз (sic!) больше, чем у России. Конечно, сравнения нельзя сводить только к динамике и уровню ВВП, но сопоставление этих показателей весьма наглядно.

В конце концов, М. Горбачев, конечно, должен нести ответственность за изменение экономической ситуации при фундаментальных политических изменениях. Пока она не изменилась к лучшему: ВВП на душу населения в России в 2020 г. составляет лишь 140% от показателя 1990 г., в Китае около 1870, а в Польше – почти 280%. Политические изменения также не впечатляют, но Россия отошла от прежней авторитарной системы, хотя, к сожалению, где-то остановилась и застряла на этом пути, что препятствует экономическому прогрессу. Тот факт, что в некоторых других постсоветских республиках демократии еще меньше, а то и вовсе нет, не утешает.

Китай не только не дистанцировался от авторитаризма, но и ужесточил эту политическую систему – сначала после 1989 г., а затем

после 2012 г. Это, конечно, не демократия, но это, несомненно, меритократия. Именно специфическая система творческой синергии государства и рынка, а также сопутствующая ей разумная политика, использующая глобализацию, которую я называю китаизмом, и есть причина великого китайского успеха.

М. Горбачев – советский лидер и в то же время реформатор и государственный деятель глобального масштаба. Он хотел изменить природу социализма (ныне, *ex post*, в литературе его чаще всего называют коммунизмом); вместо того, чтобы оставить его истории, он хотел дать ему шанс выжить и развиваться; вместо того, чтобы отказаться от него, он хотел спасти его от краха под растущим бременем собственной неэффективности. Однако получилось иначе, и, вопреки собственным намерениям, М. Горбачев, как никто другой, способствовал краху реального социализма.

М. Горбачев открыл многим миллионам людей новое пространство для жизни. Не сомневаюсь, что ему будут воздвигнуты памятники, как Х. Колумбу. Надеюсь, их никогда не снесут, как сносят сегодня те, что когда-то воздвигли в честь первооткрывателя Америки, приписывая ему грехи, совершенные позже другими. Х. Колумб решительно отправился на поиски нового пути в Индию, движимый прежде всего желанием разбогатеть, но и любопытство было ему не чуждо. Ему, конечно, хватало и смелости. Достигнув неизвестного европейцам континента, он фактически не знал, где находится, и принял его за Индию.

Наследие его ошибки вечно; мир сильно и безвозвратно изменился, хотя и не во всех аспектах к лучшему.

М. Горбачев тоже ошибался. Как Х. Колумб. Он имел в виду совсем не то, что в итоге получилось в результате его реформ. Но благодаря его усилиям сегодня вокруг нас хорошего больше, чем плохого. Значит, благодаря М. Горбачеву наш мир стал лучше, не так ли?